

Конец театрального сезона в Сухумском государственном драматическом театре был богат премьерами. В один из последних вечеров абхазский драматический коллектив показал три новые работы — миниатюры Дмитрия Гуля «Я умер», известного американского писателя Уильяма Сарояна «Эй, кто-нибудь!», и молодого драматурга Шоты Чкадуа «Плакать или смеяться».

Постановка пьес Д. Гуля и Ш. Чкадуа была режиссерским дебютом актера абхазской драмы Д. Кортава. Не все одинаково удалось дебютанту, но, в общем, с работой он справился. Обе вещи — комедии, в обеих комедийная ситуация строится на трагикомическом фоне. В первой миниатюре — мини-

мый покойник, во второй — похороны в абхазской деревне.

Режиссеру удалось гротескно-комические сцены, такие, как ужас Степана (актер А. Тания) при виде воскресшего хозяина («Я умер»), сцена перед портретом, которую мастерски провел артист С. Сакина («Плакать или смеяться»).

В основе действия пьесы Ш. Чкадуа «Плакать или смеяться» — злободневная тема. Похороны и поминки в деревне, превращающиеся в грандиозные попойки, когда забывается и сам повод, приведший всех за стол, — один из пережитков прошлого, все еще не изжитый у нас и требующий самой решительной борьбы с ним.

Еще до открытия занавеса на-за-

сцены доносятся причитания и всхлипывания, иной раз трудно отличимые от хохота. Позднее, в ходе действия, в поведении пережившего поминальника они, действительно, сливаются друг с другом, переходят один в другой. Слезы незаметно обращаются смехом, траурные песни и причитания — плясовыми ритмами, безудержное лицемерное горе — буйным весельем. Хочется только пожелать режиссеру и актеру — исполнителю главной роли уменьшить долю добродушия в отношении и основному персонажу пьесы. Больше должно быть сатиры, яркой обрисовки оттапливающих черт героя, достойных и осмеяния и осуждения. Чтобы хохот зрительного зала стал не просто веселым, а раз-

вающим. Возможности для этого есть.

«Эй, кто-нибудь!» шла в постановке главного режиссера абхазской драмы Нелли Эшба. Ее режиссерский почерк отличал эту миниатюру от двух других. До мельчайших деталей продумано оформление. Музыкальное вступление вставляет для насторожиться в ожидании чего-то тревожного. Когда же раздается занавес, и на полуметрической сцене свет выхватывает два участника — камеру-каютку у самой рампы, где за решетками мечется арестованный, и уходящую вверх кривую лестницу, на самом вершине которой, в освещенном дверном проеме — силуэт девушки, уже одна только предельная лаконичность обстановки, лаконичность, которую хочется сравнить с графикой, подчиняет зрителя, заставляя его напряженно ждать первой реплики.

«Эй, кто-нибудь!» — это зовет парень, сидящий за решеткой. Зовет, не зная кого, — может быть, просто человека, живую душу, но может быть — свою мечту, за которой он прошел столько дорог, свою судьбу, свое счастье, что так и не встретил. «Эй, кто-нибудь!..» — первая и она же последняя реплика пьесы.

Очень хороши мизансцены — из рисунок точен, каждый момент на сцене, каждая группа — точно карандашная зарисовка, одновременно выразительная и изящная, динамичная и законченная. Пластика движений, ритм действия создают превосходную рамку спектаклю. В этом, в его внешнем совершенстве — большая заслуга режиссера.

В отношении же проникновения в глубину вещи, в ее душу, если так можно выразиться, остается желать лучшего. Пьеса У. Сарояна — произведение большой философской глубины, тревожных мыслей и чувств, выраженных очень простыми словами. Это произведение, в котором вещи называются своими именами, но на каждом словом — большая глубина, возможности разных толкований, здесь слова говорят и о несчастье, Правильно понять Сарояна, донести его мысль до людей, передать настроение вещи, ее тон — в этом должна была заключаться задача режиссера и коллектива.

Вероятно, не нужно было столько «внешней» выразительности исполнителю главной роли А. Ермолову (жесты, интонационные нажимы, игра повышенным тембром голоса) — все должно было быть много проще, несколько тише и значительно глубже. Игре артиста не хватало психологичности, порой такта, иной раз — задушевности, внутренней силы.

Гораздо проще и вместе с тем реалистичнее С. Дбар в роли девушки. Артистике удалось передать совершенное неверие в себя, сменяющееся вспышкой надежды, и следующее за ней беспробудное отчаяние героини. Но эта роль и значительно проще первой, на которой лежит вся философская нагрузка пьесы.

В этот вечер в абхазской драме состоялось три премьеры и один дебют, вечер стал итогом большой работы, проделанной коллективом.

Ю. ГЕРИЯ.

Советская Абхазия
г. Сухуми

30 ИЮН 1963